

Мученица

Сегодня. - 1994. - 12 июля. - С. 15.

как виновница триумфа

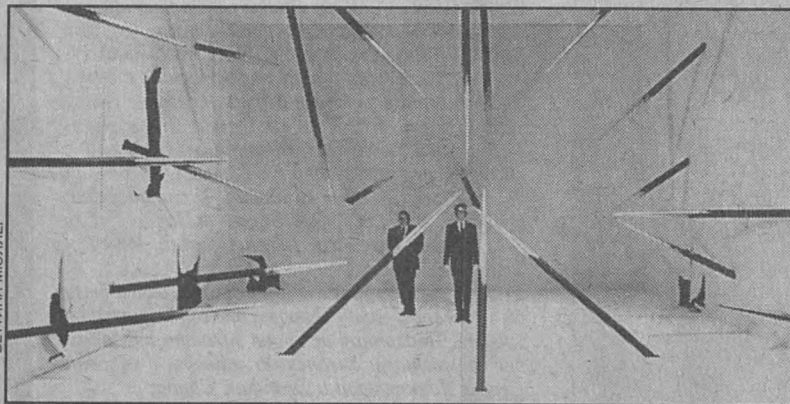
Премьера оратории Генделя «Теодора» в Базеле

Фрайбург

Ральф Шварц

Триумфы в этом сезоне случаются в Базеле редко — вынужденные сокращения премьер поставили под удар театральную работу редчайшего уровня. Но Херберту Вернике — режиссеру, сценографу и художнику по костюмам в одном лице — удалось преодолеть упадочное настроение и манием руки привнести в театр у фонтана Тенгели радостное возбуждение: поздний опус Георга Фридриха Генделя, которому в момент рождения на лондонских подмостках было отказано в признании, превратился сегодня в шедевр, востреченный публикой с ликованием.

Трехчастная драма — сцены из жизни христианской мученицы — предстала тридцатью тщательно прописанными клеймами иконы, страницами притчи о разрушении и жестокости. Коробка сцены, поначалу чисто-белая, с появлением каждого певца становится все более рваной, продырявленной, поруганной: острые металлические предметы, похожие не то на винты, не то на органные трубы, с хрустом врезаются в стены из бумажной массы. Точно так же врезается сквозь толщу стен трамплин — мостки для римского наместника, дабы нависать над одеждой в черное толпой; точно так же появляются гигантские ангельские крылья серо-стального цвета, спутанные тернии, исполинские кресты, длани с кровавыми ранами: пространство коробки становится пространством пытки, смерти и спасения. Языческая символика — жертвоприношение животного, воспроизводимое покрывающим всю сцену алым пла-

БЕТИНА МОЛЛЕР

том — сменяется символикой христианской, вершащей триумф по мере продвижения к финалу. Это непосредственно связано с историей, лежащей в основе представления. Главная героиня оратории — антиохийская мученица Теодора, которая вместе с другими христианами, как водится, отказалась поклоняться языческим идолам и за это была подвергнута поруганию в храме Венеры. Ее друг Дидим, тайно обращенный в христианство римский офицер, противопоставит вместе с Теодорой брутальному фундаментализму оккупационных властей и попытается спасти узницу, поменявшись с ней одеждой. Обман раскрывается, и любящим не остается ничего иного, как найти единение в смерти.

Но, хотя рассказывается история о мученице, на первый план выходят антигуманность христианского учения о спасении души, нетерпимость фанатиков, безысходность человеческого существования, конечной целью которого становится смерть в стремлении обрести Бога. Оперная сцена города Базеля с его древними гуманистическими традициями протестует против грозных инве-

ктив и жестоких рецептов, от кого бы они ни исходили.

Звук рушейся бумаги, сопровождающий собственно музыкальную ткань на протяжении всего спектакля, придает генделевскому благозвучию какое-то особое измерение. Неслыханная отделанность хоров оказывается в этой странной обертке мерлом высших ценностей.

Среди солистов выделю сопрано Софию Теодорию и контратенора Кая Веселя: их тонкая музыкальность и броская виртуозность казались рекордными. Запомнился и сдержанный, подчеркнuto отстраненный латыш Эгилс Силиньш в роли римского наместника.

Под несомлакающие аплодисменты премьерной публики Херберт Вернике целовал руки дирижеру Фридеману Лайеру, а потом чуть не задушил его в объятиях. Антиисторическая интерпретация Лайера, поначалу звучавшая излишне моцартовски, сознательно противостояла методу Николауса Арнонкура с его культом аутентичности. Все оказалось в этом спектакле животрепещущим: музыка, внешний вид, внутреннее содержание.